
Г. В. Старовойтова

**К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНОПСИХОЛОГИИ
ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ
ТРЕХ ГОРОДОВ ТАТАРСКОЙ АССР)

В отличие от сельских поселений, по преимуществу моноэтнических, города на протяжении всей истории были ареной активных межэтнических контактов. Социально-психологические особенности городского образа жизни и городского общения способствуют формированию иных поведенческих стандартов, а также взаимообогащению контактирующих национальных культур. Массовое индустриальное производство предметов материальной среды, свойственное современной городской культуре, приводит к сужению сферы национальной специфики, к преимущественной локализации национально-специфического в области духовной культуры и в психолингвистической сфере¹.

По-видимому, указанные обстоятельства привлекают все большее внимание к этнопсихологии как отрасли социальной психологии², изучающей те психологические особенности социальных общностей, которые обусловлены этнической принадлежностью их членов.

Одним из важнейших структурных элементов этнической психологии³ является этническое сознание, понимаемое прежде всего как обыденное этническое сознание большинства членов изучаемого этноса.

Можно вычленить следующие важнейшие эмпирические индикаторы этнического сознания: этническая самоидентификация, представление об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, представление о так называемом «национальном характере», а также об общности черт внешнего облика этнофоров и др. Косвенными эмпирическими индикаторами этнического сознания могут выступать некоторые элементы традиционной национальной культуры (национальные праздники, обычаи, обряды), язык, ориентации в межэтническом общении и др.

Указанные явления, прямо или косвенно связанные с этнопсихологической спецификой современных городских жителей, послужили пред-

¹ Историческая закономерность перемещения этнической специфики из сферы материальной культуры в духовную обосновывается в работе Ю. В. Бромлей и О. И. Шкаратана «О соотношении истории, этнографии и социологии» («Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 6).

² Этническая психология, по мнению ряда ученых, является разделом социальной психологии, см.: Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 79; С. И. Королев, Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов, М., 1970; Б. Д. Парыгин, Социальная психология как наука, Л., 1967; его же, Основы социально-психологической теории, Л., 1971; Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, и др.

³ К сожалению, в этнопсихологии, как и в общей психологии, сам термин «психология» употребляется неоднозначно: в одних случаях имеется в виду соответствующая дисциплина, в других — предмет ее изучения.

метод исследования, предпринятого нами в конце 1974 г. в городах Татарской АССР — Казани, Альметьевске, Мензелинске⁴. Для получения первичного материала была использована методика стандартизированного интервью, проводимого по месту жительства респондента, причем татарское население опрашивалось только интервьюерами-татарами на татарском или русском языке в зависимости от желания опрашиваемого. Эффективность этой меры (в сочетании с анонимностью опроса) значительно повышала надежность полученной информации⁵. Во-первых, мы стремились ослабить возможное влияние национальности интервьюера на характер ответов. Во-вторых, перевод опросника на родной язык опрашиваемого облегчал понимание им ряда сложных вопросов. Попавшие в выборку опрошенные (несколько сот человек) представляли основные демографические и социально-профессиональные группы взрослого населения трех городов с допустимой долей погрешности (не превышавшей 5% для работающего населения).

Опросом были охвачены люди разного возраста (старше 16 лет) и образования. По социально-профессиональной принадлежности в число респондентов вошли: работники неквалифицированного и квалифицированного физического труда (главным образом рабочие); служащие без специальной подготовки; служащие со средним специальным или высшим образованием (интеллигенция); руководители среднего и высшего звеньев. Неработающее население представлено небольшой группой учащихся, пенсионеров, домохозяек. Помимо классификации в соответствии с социально-профессиональными группами, опрошенные делились еще на две группы по другому критерию — на уроженцев обследованных городов (их менее половины) и на мигрантов, приехавших в разные годы как из сел и городов самой Татарской АССР, так и из-за ее пределов.

Группа вопросов, отражающих эмпирические индикаторы этнического самосознания горожан-татар, открывалась вопросом, выясняющим представление о главном факторе этнической идентификации: «Что, по Вашему мнению, должно быть главным при определении национальности человека?». Респондент должен был выбрать один из предложенных вариантов ответа; кроме того, предлагалась проективная ситуация, включавшая возможность выбора таких факторов, как место или республика проживания, принятый в семье язык и др.

Национальные черты нельзя считать прирожденными, они приобретаются в процессе социализации личности. Поэтому сознательное определение своей национальности к моменту социального созревания человека в условиях тенденции интернационализации культуры советских народов может зависеть от многих факторов даже в национально однородной семье⁶.

Обратимся к распределению ответов. 47% ответивших выбрали в качестве главного фактора индивидуальной этнической самоидентификации национальность отца, причем этому ответу отдали около половины свших «голосов» все социально-профессиональные группы, за исключением специалистов с высшим образованием (у них этот вариант избран примерно одной третью ответивших). Что же касается респондентов из последней группы, то они отдали относительно больше голосов, чем в

⁴ Этнопсихологическое изучение населения избранных городов представляло особый интерес, так как ему предшествовало комплексное этносоциологическое исследование населения этих городов, проведенное в 1967 г., см. «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований», М., 1973.

⁵ В. С. Кондратьев, Эксперимент *ex post facto* в социологическом исследовании, «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 131—134.

⁶ Применительно к национально-смешанной семье вопрос исследован Л. Н. Терентьевой. См., например, ее статью «Определение своей национальности молодежью из национально-смешанных семей» («Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 20—31); см. также: Л. Н. Жеребцов, К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях, в сб. «Ленинская национальная политика в действии», М., 1969.

других группах, в пользу желания самого подростка, во-первых, и национальности матери — во-вторых (фактор, занявший четвертое ранговое место — около 10% всех ответов).

Однако 56% лиц с образованием до 6 классов и 53% с неполным средним образованием считают, что национальность отца служит главным определителем национальности подростка; это повлияло на общую картину распределения ответов.

Характер ответа зависел не только от образования, но и от возраста опрашиваемого; старшие чаще выбирают национальность отца, младшие чаще выбирают другие варианты и в первую очередь «желание самого подростка». Этот вариант ответа, с одной стороны, самый «синтетический» (так как в сознании подростка преломляются все остальные факторы) и, с другой стороны, он самый демократический, так как не навязывает догматических образов поведения в сфере национальной самоидентификации. Естественно, что более молодые люди, а также те, у кого выше образование, отдают предпочтение этому фактору определения национальности (выдвигая его на второе ранговое место по общему числу ответов).

Такие ответы, как «принятый в семье язык» и «республика, место проживания», занявшие третье и пятое ранговые места, в совокупности отражают (хоть и в неявной форме) этнокультурную ситуацию, которая, таким образом, в глазах респондентов не является значимым фактором. Даже язык внутрисемейного общения в качестве основы для выбора национальности избрали лишь 15% опрошенных. Возможно, здесь оказалась влияние неосознанность, «естественность» татарского «национального фона» населения в автономной республике, а в условиях иноэтнической среды частота этих ответов могла быть иной.

Возвращаясь к интерпретации преобладающего выбора национальности отца как определителя национальности детей, можно высказать следующие соображения. Как уже отмечалось, большинство ответов на вопросы о мнениях, предпочтениях, предполагаемом поведении в воображаемой ситуации (проективное поведение), без которых этнопсихологическое исследование почти невозможно, нельзя интерпретировать буквально, так как изучению в этом случае подлежат лишь проявления обыденного сознания, в котором уровень осознанности мотивов невысок и несет на себе печать традиционных представлений. Так, доминирующая роль мужчины в семье в прошлом не только отражала его господствующее экономическое положение, но и была жестко зафиксирована в мусульманских обрядах и обычаях, в законах шариата. Разумеется, современное население татарских городов в подавляющем большинстве неверующее и в основном изжило религиозные пережитки в общественном сознании. Однако можно предположить, что традиционные мнения и бытовые привычки (связь которых с религиозными представлениями прошлого отнюдь не очевидна и не всегда осознается) могут иметь иногда даже большую устойчивость, чем породившие их идеологические системы.

В качестве важного эмпирического индикатора этнического сознания в исследовании анализировалось представление респондентов-татар об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках (у татар, как и у всех народов СССР, наблюдается действие объективной тенденции интернационализации различных сторон общественной и культурной жизни). Развитие экономики (освоение запасов татарской нефти и газа, строительство КАМАЗа и т. д.) способствует изменению социально-профессиональной структуры населения республики, повышению его общеобразовательного уровня, притоку мигрантов из других областей страны и усилению этнокультурных контактов. Экономические процессы влияют на структуру факторов этноконсолидации, перестраивают картину символов национального сознания. Для анализа соответствующих представ-

лений были использованы следующие вопросы: «Что, по Вашему мнению, сближает Вас с представителями Вашей национальности?» и «Чем, по Вашему мнению, отличаются представители разных национальностей в первую очередь?»⁷. Предложенные варианты ответов разнородны по содержанию и по сложности, что дает возможность респондентам с разными этнокультурными ориентациями и образовательным уровнем выбрать адекватный их мнению ответ. Очевидно, что признаки этнического различия и сходства осознаются людьми по-разному: так, например, общность этнической психологии не так ощутима, как общность национального языка⁸.

Из внешних, явных признаков были названы язык, черты внешнего облика, народные обряды, обычаи, привычки и др. К неявным признакам можно отнести черты характера, общее историческое прошлое, общие перспективы, будущность (последние два варианта — только для вопроса о сближающих факторах) и др. Наибольшую значимость в качестве этноконсолидирующих черт получили следующие (в порядке убывания): язык, народные обряды, привычки, общие перспективы, будущность, общее историческое прошлое, сходные черты характера.

Ранговая последовательность выбора этнодифференцирующих черт несколько иная: язык, черты характера, особенности поведения.

В то же время значительная доля опрошенных (около одной шестой), главным образом работники квалифицированного физического труда с образованием 7—10 классов, отрицали существование сколько-либо значимых национальных различий. При этом, однако, они считали, что реально существуют черты близости к своему народу.

При ответе на оба вопроса примерно в 2,5 раза чаще указывались внешние признаки сходства и различия. Как и следовало ожидать, уровень образования респондента коррелирует с обращением его либо к внешним, явным признакам, либо к факторам психологического порядка: явные, очевидные черты этнического сходства и отличия (в частности, язык) называют преимущественно опрошенные с невысоким уровнем образования (среди них же, как будет показано далее, шире бытуют национальные обряды — по существу формы ритуализованного поведения, «материализующие» этноконсолидационные представления обыденного этнического сознания).

Лица со средним специальным и высшим образованием, напротив, чаще обращают внимание на неявные, но существенные черты этнического сходства и различия (черты характера, особенности поведения и т. п.). Выбор этих признаков обычно требует как более высокого культурного уровня, так и другой структуры этнического сознания, основанного уже не только на обыденных представлениях. К аналогичному выводу пришел Е. И. Клементьев, анализируя национальное самосознание карелов: «Оценка своей связи с этнической общностью в малоквалифицированных группах... связана с реальным бытованием национально-особенного, а в группах работников умственного труда с высоким уровнем образования осознание внутриэтнических связей компенсируется

⁷ Эти вопросы представляют собой модификацию аналогичных вопросов, использовавшихся В. В. Пименовым и Е. И. Клементьевым при изучении удмуртов и карелов. См.: Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР), Автореферат канд. дис., М., 1971; В. В. Пименов, К проблеме межэтнических контактов (по удмуртским материалам), в кн.: «Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции, посвященной этнографическому изучению современности», Москва — Нальчик, 1975, стр. 98—100; его же, Некоторые черты национального самосознания (по материалам Удмуртской АССР), в кн.: «Торжество ленинской национальной политики», Чебоксары, 1972; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христюкова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования), «Сов. этнография», 1970, № 2.

⁸ С. И. Королев, Указ. раб., стр. 17.

общетеоретическими представлениями о значимости признаков, формирующих национальное самосознание»⁹.

Заметна еще одна тенденция в распределении ответов на два рассматриваемых вопроса — одни и те же признаки чаще называются в качестве этнодифференцирующих, чем этноинтегрирующих. Так, например, язык как признак общности назван 119 раз, а как признак различия — 136 раз. «Черты характера» и «черты внешнего облика» в качестве различительных названы вдвое чаще, чем в качестве объединяющих признаков. Меньшую активность проявили респонденты при ответе на вопрос о том, что сближает их со своей нацией (меньше общее число выборов, относительно чаще затруднялись в ответе). Можно предположить, что опрошенным труднее определить черты общности представителей своего народа, чем отметить его отличия от других народов. На определяющее значение оппозиции «мы — они» для самовыделения этнической общности указывали Б. Ф. Поршнев¹⁰, И. С. Кон¹¹. Об этом же говорят западные социальные психологи У. Ламберт и О. Клайнберг, ссылаясь на выдающегося советского психолога Л. С. Выготского, который считал, что «осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации, чем осознание различия; осознание сходства предполагает обобщение или понятие, охватывающее ряд сходных объектов, тогда как осознание различий возможно и на чувственном уровне»¹².

Наименьшее число выборов пало на «черты внешнего облика» как фактор, сближающий представителей данной национальности, и это естественно. Во-первых, опрашиваемые старались обратить внимание на более существенные признаки, такие, как лингвистическое единство или общность традиционной народной культуры (проявляющейся в обычаях и обрядах). Во-вторых, отрицание значимости черт внешнего облика как признака общности вполне соответствует объективной реальности: специфика этногенеза казанской группы татар и русских Поволжья привела к формированию антропологических типов, в которых отсутствуют резкие специфические черты, достоверно различимые визуально. Поэтому значительное число ответов о чертах внешнего облика следовало бы, на наш взгляд, интерпретировать как своеобразную иллюзию обыденного этнического сознания, как «обман зрения».

Вообще стереотипные представления о сходстве внешнего облика людей одной национальности заслуживают особого рассмотрения. Бытующее в обыденном сознании мнение об однородности антропологических характеристик этносов и осознание этнических общностей как внесоциальных по происхождению¹³ позволяют рассмотреть проблему национального предрассудка в свете концепции «восприятия человека человеком», развиваемой в рамках социальной психологии А. А. Бодалевым¹⁴. От степени адекватности стереотипов представлений о внешности определенных этнофоров зависит, например, теснота внутриэтнических контактов в смешанной или иноэтнической среде, а также в значительной степени живучесть национальных предрассудков, так как стереотипные представления о внешнем облике, как правило, связаны со стереотипны-

⁹ Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание, Автореф. канд. дис., М., 1971, стр. 17.

¹⁰ Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 73—111.

¹¹ И. С. Кон, К проблеме национального характера, сб. «История и психология», М., 1971, стр. 128, 129.

¹² Цит. по кн.: И. С. Кон, Указ. раб., стр. 129; см. также: Л. С. Выготский, Мышление и речь, Л., 1934, гл. V; O. Klineberg, Childrens views of foreign peoples. A cross-national study, N. Y., 1967, p. 184, 185.

¹³ К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3, стр. 74.

¹⁴ А. А. Бодалев, Восприятие человека человеком, Л., 1965; его же, Формирование понятия о другом человеке как личности, Л., 1970.

ми суждениями о психологических качествах, о «национальном характере».

Эти моменты учитывались при анализе ответов на вопрос: «Узнаете ли Вы представителей своей национальности на городской улице по внешнему виду?». Вследствие унификации материальной культуры (в частности одежды) в городской среде вопрос может быть отнесен лишь к чертам физического облика (и в некоторой мере к нюансам поведения). Распределение ответов таково (в порядке убывания): «узнаю не всегда» — 38%, «да, узнаю легко» — 25%, «нет, не узнаю» — 19%, «не обращаю на это внимания» — 18%. Положительную безоговорочную форму ответа дала четверть опрошенных. Это мнение, как уже говорилось, мы относим к иллюзиям обыденного этнического сознания. Такого рода «обман зрения» в большей мере свойствен людям с невысоким уровнем образования; чаще других этот ответ выбирают респонденты с образованием до 6 классов (35% из них). В то же время лишь 10% лиц с невысоким уровнем образования не обращают внимания на национальность людей, встречающихся им на улице. Обратная картина наблюдается в ответах людей с более высоким уровнем образования: только 16% лиц с высшим образованием считают, что легко узнают татар по внешности, зато 26% не обращают внимания на национальность прохожих.

Кроме уровня образования (и соответственно социально-профессиональной принадлежности респондента) на ответы об определении национальности по внешнему облику заметно влияют и среда, характер социальных контактов, т. е. тип и величина города¹⁵. Так, в Казани значительно большее, чем в Альметьевске, число лиц заявили, что не обращают внимания на национальность людей на улице (около одной пятой опрошенных); относительно больше доля лиц, ответивших, что не узнают или не всегда узнают представителей своей национальности. Социально-психологическая специфика общения в большом городе, обилие контактов вообще создают своеобразный защитный барьер в виде «психологической индифферентности» между людьми, по крайней мере в общественных местах¹⁶. В деревне же каждый встречный воспринимается индивидуально-лично, и на улице принято здороваться даже с незнакомыми.

В самом малом из охваченных исследованием городов — Мензелинске — выявилась в определенном смысле противоположная картина: во-первых, здесь наиболее высок процент лиц, не ответивших на этот простой вопрос, — 29% (против 2% в Казани и 6% в Альметьевске); во-вторых, здесь очень невелика доля лиц, не обращающих внимания на национальность прохожих, — около одной седьмой. Вероятно, в таком небольшом городе, как Мензелинск существует социально-психологическая структура общения, переходная между городской и сельской, в частности здесь минимален объем деперсонализованного «ролевого» общения (типа продавец — покупатель)¹⁷ и большинство контактов сопровождается личным знакомством. Поэтому вопрос о том, узнают ли респонденты на городской улице татар и в незнакомых людях, был плохо адаптирован к условиям Мензелинска. Кроме того, высказанное суждение о полной стандартизации в городской среде элементов национальной

¹⁵ Обследованные города сильно отличались не только по численности населения (в Казани — почти миллион жителей, в Альметьевске — около 100 тыс., Мензелинске — около 20 тыс.), но и по структуре представленных в городе отраслей производства и учреждений культурного обслуживания, по числу вузов и средних специальных учебных заведений и др. Подробнее о характеристике городов см. «Социальное и национальное».

¹⁶ Например, плотность контактов в таком крупном городе, как Ленинград составляет до 10 тыс. чел. в сутки (А. В. Баранов, Человек в городе, в сб. «Духовное становление человека», Л., 1972, стр. 88).

¹⁷ L. Wirth, Urbanism as a way of life, «American sociological review», 1938, № 6.

материальной культуры распространяется на Мензелинск в меньшей мере, чем на крупные города.

Естественно было бы предположить существование и других различий в сфере общения, объясняемых разницей в типах рассматриваемых городов, например в частоте дружеских контактов и встреч с родственниками. Действительно, частота этих связей сильно варьирует в зависимости от размера города (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Частота встреч с друзьями, в %

Город	Не реже 1 раза в 2 недели	Не реже 1 раза в месяц	1 раз в 3 ме- сяца и реже
Казань	39,8	32,8	27,4
Мензелинск	58,3	22,7	19,0
Альметьевск	61,1	21,1	17,8

Жители Казани встречаются с друзьями значительно реже жителей Мензелинска и особенно Альметьевска. Возможно, это обусловлено более высоким темпом жизни крупного города, столицы, значительными расстояниями, дефицитом времени. Кроме того, у жителей Казани — большой выбор вариантов проведения досуга, чем у жителей малого города.

Частота контактов с родственниками варьирует по городам гораздо меньше, оказывается устойчивее к воздействию факторов, обусловленных типом города. Во всех трех городах часто (не реже 1 раза в 2 недели) видятся с родными около 50% опрошенных. Дополнительный опрос русских жителей городов Татарской АССР (выборка русских выравнена с татарской по социально-профессиональным группам, полу и возрасту) показывает, что зависимость интенсивности дружеских контактов от типа города проявляется у русских и татар в равной мере, однако во всех городах татары обнаруживают большую тесноту дружеских связей, чем русские. Не вызывает сомнения и более близкое родственное общение татар по сравнению с русскими (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Частота встреч с родственниками, в %

Национальность	Часто (не реже 1 раза в 2 недели)	Редко (1 раз в 3 ме- сяца и реже)
Татары	76,2	23,8
Русские	63,1	36,9

Приведенные данные позволяют высказать предположение о более высокой значимости для респондентов-татар персонифицированных связей по сравнению с обезличенными контактами, характерными для городского образа жизни.

Хотя большая часть опрошенных поддерживает отношения главным образом с татарами, они дружат и с лицами других национальностей (прежде всего с русскими).

Еще более сильный, чем «национальность друзей», индикатор ориентаций в межнациональном общении — отношение к смешанному браку близкого родственника. Подавляющее большинство опрошенных проявили в целом положительное отношение к возможному браку близкого члена семьи с человеком другой национальности. В то же время здесь сильна зависимость от образования респондента: с ростом образования растет число положительных оценок национально-смешанных браков.

Отношение к национально-смешанному браку заметно варьирует и в зависимости от возраста: лица до 30 лет, как правило, оценивают такой брак положительно, в следующих возрастных группах число положительных и отрицательных выборов выравнивается, при этом большинство

Таблица 3

Распространенность национальных праздников в зависимости от этнического состава среды предыдущего места жительства мигрантов, в %

Предыдущее место жительства	Празднуют национальные праздники	Не празднуют
Города и деревни вне ТАССР	50	50
Города и деревни в пределах ТАССР	40	60
Уроженцы обследованных городов ТАССР (не-мигранты)	36	64

отвечает, что не возражали бы против такого брака, и лишь у лиц от 51 года и старше положительные выборы реже.

На отношение к смешанному браку влияет также место предыдущего жительства респондента. Так, мигранты из иноэтнической среды (из-за пределов Татарской АССР) выше оценивают межнациональные браки, чем коренные жители Татарии.

Тип города и этнический состав среды в предыдущем месте жительства опрашиваемого сказываются на степени сохранности традиционных бытовых форм народной культуры, связанных с этнопсихологической спецификой. Так, на вопрос о праздновании традиционных национальных праздников (имелись в виду обряды календарного цикла — курбан-байрам, ураза, сабантуй)¹⁸ положительно ответили почти половина опрошенных жителей малых городов и только 14% жителей Казани. При этом национальные праздники бытуют широко у мигрантов из села, в меньшей степени — у приезжих из малых и средних городов, еще реже они отмечаются у приезжих из крупных (областных и столичных) центров. Степень сохранности национальных праздников в зависимости от этнического состава прежней среды мигранта иллюстрируется данными табл. 3.

Здесь наблюдается несколько неожиданная картина: мигранты из-за пределов Татарии чаще отмечают национальные праздники, чем мигранты из городов и сел Татарской АССР и уроженцы городов республики. Вероятно, в иноэтнической среде национальные праздники являются фактором этноинтеграции, приобретают новые функциональные значения и потому лучше сохраняются. Кроме того, процессы проникновения черт городского образа жизни в село, в быт семьи в инонациональной среде идут медленнее. Это обусловлено, в частности, особенностями отношения к средствам массовой коммуникации как к источнику разнообразной информации, который не адаптирован к потребностям «экстерриториальной группы» и восприятие которого опосредуется лингвистическими и культурными барьерами. Новая информация в этих условиях дает не только непривычные культурные образцы, изменяющие весь уклад традиционного семейно-бытового поведения, но и воспринимается еще как инонациональная.

Действует ли аналогичная закономерность применительно и к семейным обрядам? Соответствующий вопрос задавался так: «Соблюдаются ли в Вашей семье национальные обычаи при следующих событиях: рождение ребенка, свадьба, похороны?». Варианты ответов — «да», «частич-

¹⁸ Исходя из специфической направленности исследования, мы не рассматривали сохранность самой структуры обрядов у горожан. Степень полноты бытующих в семье обрядов охарактеризована по оценке самих респондентов. На наш взгляд, эта оценка тоже косвенно отражает развитость этнического сознания.

но», «нет». Однако при анализе ответов мы пришли к выводу, что содержание обряда существеннейшим образом влияет на его бытование и необходим дифференцированный подход к названным группам семейных обрядов (см. табл. 4).

Таблица 4

Частота распространения традиционных семейных обрядов,
% к числу опрошенных *

Семейное событие, с которым связан семейный обряд	Соблюдают полностью	Соблюдают частично	Не соблюдают
Рождение ребенка	27,9	18,6	44,1
Свадьба	34,4	19,5	37,2
Похороны	49,7	18,6	23,1

* 9% не ответили на вопросы.

Частоты распределения обрядов, связанных с рождением ребенка и похоронами, расположились зеркально-симметрично относительно диагонали таблицы: насколько широко бытует соблюдение похоронных обрядов, настолько же обычным стало несоблюдение обычаев, связанных с рождением ребенка, и наоборот: насколько невелико число отмечающих рождение ребенка традиционным образом, настолько же мало и число не соблюдающих традиционные похоронные обряды. Распространенность свадебного обряда (по оценке данных в нашей выборочной совокупности) занимает почти промежуточное место между двумя другими группами обрядов.

Похоронные обряды инвариантны относительно размера города и этнического состава населения в прежнем месте жительства. Обряд соблюдается (полностью или частично) в 67—73% семей, и это число устойчиво для разных групп (кроме интеллигенции). По-видимому, подобная устойчивость определяется такими причинами, как дань уважения традиции, выполнение воли покойного и т. п.

Наименее устойчив комплекс обрядов семейного цикла, связанный с рождением ребенка, он испытывает влияние этнического состава городов и сел, откуда приехали мигранты (как и обряды календарного цикла). Мигранты из инациональной среды несколько чаще соблюдают традиционные обряды, связанные с рождением ребенка (см. табл. 5).

Таблица 5

Частота распространения традиционных обрядов, связанных с рождением ребенка, в % к числу опрошенных

Направление миграции	Соблюдают полностью или частично	Не соблюдают
Из-за пределов ТАССР	57,0	43,0
В пределах ТАССР	48,2	51,8

Если сопоставить рассматриваемые обряды с циклами жизни человека (рождение, детство, зрелость и старость), то оказывается, что чем моложе контингент лиц, к которому относятся данные обряды, тем они менее распространены и менее устойчивы под воздействием самых разных факторов, и наоборот.

Значительный интерес представляют данные о распространении семейных обрядов в зависимости от образования респондентов (см. табл. 6).

Из таблицы следует, что в более образованных группах семейные традиционные обряды распространены меньше в прямом соответствии со степенью их устойчивости, которая, в свою очередь, определяется со-

Таблица 6

Зависимость распространения семейных обрядов от образования респондентов

Семейное событие, с которым связан обряд	Образование				
	до 6 кл.	7—9 кл.	10—11 кл.	среднее специальное	высшее
Рождение ребенка	+	—	—	—	—
Свадьба	+	+	+	—	—
Похороны	+	+	+	+	—

«+» — большинство соблюдает данный обряд; «—» — большинство не соблюдает данный обряд.

держанием обряда. Лишь респонденты с самым низким уровнем образования (до 6 классов) в большинстве своем соблюдают все традиционные семейные обряды, и только преобладающее число лиц с высшим образованием отказались от соблюдения всех групп семейных обрядов, включая похоронные.

С точки зрения этнографии, фольклористики и этнопсихологии, представляют интерес следующие вопросы: среди какого поколения приехавших в город деревенских жителей в большей мере бытуют национальные праздники и семейные обряды? У мигрантов какой «волны» они исчезают? На какие годы приходится рубеж, разделяющий мигрантов с различной сохранностью этих элементов традиционной национальной культуры?

Судя по полученным материалам, общая тенденция вполне соответствует существующим на этот счет представлениям: чем раньше респондент прибыл в город, тем чаще соблюдает он в быту семейные и календарные обряды. Подавляющее большинство мигрантов переезжало в города в трудоспособном возрасте, когда процесс социализации личности и освоения обрядовых норм уже завершен и, как правило, из села, где

сохраннее традиционные формы семейного быта. Таким образом, тип социализации оказывает более сильное влияние, чем адаптирующее влияние города. Постепенно, особенно в послевоенные годы, черты городского образа жизни все активнее проникают и в татарскую деревню. Поэтому мигранты последних лет в меньшей мере сохранили элементы традиционного семейно-бытового уклада. В этой связи большой интерес представляет зависимость между временем миграции в город и распространенностью национальных праздников (см. табл. 7).

Таблица 7

Бытование традиционных национальных праздников в зависимости от срока проживания в городе, в %

Сколько лет живет в данном городе	Отмечает ли национальные праздники	
	да	нет
От 1 до 3 лет	4,7	7,7
От 3 до 5 лет	4,7	12,1
От 5 до 10 лет	9,4	10,9
От 10 до 15 лет	20,3	20,9
Более 15 лет	61,1	48,3
	100	100

Люди, недавно приехавшие из других районов, большей частью не отмечают национальные праздники и обряды календарного цикла (имеются в виду, главным образом, курбан-байрам, сабантуй и ураза), а среди переселившихся в город давно, более 15 лет назад, их отмечает большинство. Граница между этими двумя контингентами мигрантов проходит по волне миграции 1959—1964 гг., в которой обе группы представлены поровну. Как правило, мигранты — это молодежь трудоспособных возрастов, прибывшая из села. Если принять за условный средний возраст мигранта 30 лет, то можно считать, что «переломным» поколением в отношении сохранения обрядовой традиции являются люди при-

мерно 1930—1934 гг. рождения, т. е. времени коллективизации татарской деревни.

Анализ ответов на вопросы о традиционных праздниках применительно к нашей выборочной совокупности создает впечатление о разной социально-психологической значимости национальных праздников и обрядов календарного цикла и семейных обрядов. Видимо, семейная обрядность выполняет несколько иную семиотическую роль в системе этноса, чем календарная обрядность; она несет иные этнопсихологические функции. Однако это предположение требует проверки на более представительном и узко нацеленном исследовательском материале.

Последний вопрос, на котором нам бы хотелось остановиться в связи с материалами нашего опроса, касается проблемы изучения так называемого «национального характера» (термин, не раз признававшийся неудачным). Вероятно, можно говорить об исследовании стереотипных представлений о типичных характерологических чертах, получивших наибольшее развитие у большинства представителей определенной национальности. Эти стереотипы, в сжатом виде отражающие историю взаимоотношений народов включают неявную оппозицию «мы — они», зависят от эталонной шкалы, по которой ведется отсчет интенсивности развития характерологических качеств. Определенный прикладной и теоретический интерес имеет изучение «автостереотипов» — распространенных в обыденном сознании мнений о типичных чертах характера представителей своей нации. Помимо перечисленных факторов, вообще влияющих на формирование национальных стереотипов, на автостереотип влияет отраженная, опосредованная национальным сознанием характеристика своего народа другими народами.

В нашем исследовании выяснялась позитивная часть национального автостереотипа у опрошенных татар. Простейший экспертный контент-анализ ответов выделил три группы отмеченных качеств — коммуникативные, интеллектуально-волевые черты, а также некоторые бытовые привычки. Очевидно, что указанные опрошенными качества не являются исключительной принадлежностью татарского народа; опрашиваемые имели в виду бытующие мнения о высоком уровне развития или частоте проявления каких-то характерологических свойств. Но ведь уровень или частота не могут быть безотносительными, т. е. содержать неосознаваемую «шкалу отсчета», соотнесение с преобладающим этническим «фоном» и др.

Следует заметить, что изучение обобщенного позитивного автостереотипа национального характера имеет особый интерес в сравнительных исследованиях различных этносов. Расширение диапазона таких исследований позволит не только углубить представления об отдельных нациях, но и даст обширный материал для оценки межнациональных отношений внутри советского народа как социальной общности.

Разумеется, в настоящей работе предложены лишь отдельные элементы этнопсихологического изучения городских жителей, отнюдь не исчерпывающие всего многообразия возможных методических подходов к проблеме.

Подытоживая некоторые предварительные выводы исследования, отметим следующее.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что степень проявления этнопсихологических черт зависит не только от социально-профессиональной принадлежности и демографических характеристик этнофоров, но и от размера и типа населенного пункта, в котором они проживают, определяющего некоторые существенные моменты образа жизни.

Этнический состав среды тоже влияет на распространенность национальной специфики в формах поведения; в частности, иноэтническая среда обуславливает более осознанное самовыделение этнической группы и может способствовать большей сохранности некоторых традиционных

форм духовной культуры. Этнический «фон» определяющим образом влияет на бытование календарной традиционной обрядности, которая принимает на себя усиленную этноинтегрирующую функцию в условиях иноэтнического окружения; семейная же обрядность мало зависит от этнического состава среды. Ее распространенность ограничена уровнем образования и социально-профессиональной принадлежностью членов семьи, а также сильно дифференцируется в зависимости от содержания обряда.

Это позволяет предположить различные этнопсихологические функции календарных и семейных обрядов, которые, в свою очередь, могут являться предметом дальнейшего исследования.

A STUDY OF ELEMENTS OF THE ETHNOPSYCHOLOGY OF URBAN DWELLERS

The paper sums up the results of an ethnosociological research carried out by the author in three cities of the Tatar Autonomous SSR: Kazan, Al'metyevsk and Menzelinsk. The investigation covered specific features of ethnic consciousness and the prevalence of traditional rituals among Tatars belonging to different social, professional and education-level groups. The study has disclosed the influence of certain factors over the structure of ethnic self-identification, over orientations in inter-ethnic intercourse etc. The influence of the ethnic composition of the surrounding population over the persistence of ethnic specificity in family life was also investigated, as well as the ethnopsychological role of family rituals and of calendar cycle rites.
